ПРОСТРАНСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

***А.М.Галиева**, кандидат философских наук,*
***Э.Ф.Нагуманова**, кандидат филологических наук*

Пространство и время – обязательные характеристики феноменов человеческого мира. В культурной и языковой модели мира пространство выступает не только как «вместилище», но и как условие непрерывности, протяженности, структурности, фактор сосуществования и взаимодействия элементов. Пространство в культуре не нейтрально, оно осмысляется как специфическое или уникальное *место*, в значительной мере определяющее сущность происходящих в нем событий. Характеризуя единство времени и пространства, М.Бахтин в 1930-е гг. ввел понятие *хронотопа*, которое подчеркивает, что пространство и время культуры всегда связаны с субъективными переживаниями, меняющимися в разных исторических эпохах и культурных ситуациях. Именно хронотопическое начало художественных произведений позволяет «выводить» фабулу и словесную ткань повествования на целостную картину мира, раскрыть общий философский и мировоззренческий подтекст произведения.

Художественное пространство всегда несет в себе черты реального мира, но может наполняться субъективными переживаниями героев. Характеризуя особенности пространственно-временного континуума, Ю.М.Лотман говорит о том, что «художественное пространство может быть точечным, линеарным, плоскостным или объемным. Второе и третье могут иметь также горизонтальную или вертикальную направленность. Линеарное пространство может включать или не включать в себя понятие направленности. При наличии этого признака (образом линеарного направленного пространства, характеризующегося релевантностью признака длины и нерелевантностью признака ширины, в искусстве часто является дорога) линеарное пространство становится удобным художественным языком для моделирования темпоральных категорий («жизненный путь», «дорога» как средство развертывания характера во времени)»[1].

У каждого этноса культурное пространство, созданное многовековой деятельностью, соединяет историческую преемственность и настоящее данного этноса. В силу специфики условий жизнедеятельности и особого отношения к осваиваемому и контролируемому пространству у тюрков, живущих в открытых степных просторах, образы пространственных ориентиров иные, чем у восточных сла-

вян, исторически живших в лесных регионах. Так, башкирская степь (*дала*) в повести А.Еники «Невысказанное завещание» символизирует свободу, природное начало и естественную нравственность, красоту. Произведение начинается описанием степи:

«Йомшак кына җәйге җил исә… Дала буйлап кылганнар йөгерә, кылганнар йөгерә. Ефәк чукларын ешеш кына селкеп, акрын гына кыштырдап, бик тырышып һәм бик кабаланып йөгерә кебек алар... Колын булып уйнаклап, шул кылганнар артыннан чабасы да чабасы килә. Дала буш, дала киң, җир җылыкай, шаян җилкәй биттән сөя…»

Пространство здесь структурируется по горизонтали, что подчеркивается использованием серии глаголов движения, обозначающих быстрое перемещение по горизонтали (*йөгерә, чабасы килә*), и примечательно, что глагол со значением бега использовано по отношению к неподвижному ковылю. Автором акцентируется свободное обширное пространство (*дала буш, дала киң*), символом свободы выступает жеребенок, игриво скачущий по степи (*колын булып уйнаклап*). Описание простора усилено введением сенсомоторных описаний – ощущения теплого дуновения ветра. Таким образом, степь выступает как место, полное движения и жизни.

Данный фрагмент в переводе Х.Хусаиновой выглядит следующим образом:

«Дует легкий ветерок… Стелется, несется ковыль. Потряхивая шелковистыми метелками, с тихим шуршанием мчится вперед, суетливо и озабоченно, будто боясь опоздать куда-то… Не оторвать взгляда… Эх, уйти бы за седым ковылем далеко-далеко по необозримой пустынной степи. Земля под ногами теплая и ласковая, резвый ветерок треплет по лицу, покой и умиротворение проникают в душу».

В переводе больший акцент сделан на ковыль, а пространство степи идет как бы фоном, оно теряет свою связь с тем движением мысли, которое заявлено в оригинале.

Р.Кутуй в своем переводе вводит конкретную локализацию пространства (предуральская степь):

«Широка предуральская степь, широка и раздольна! Ласковый летний ветер пробегает из края в край, легкими пегими волнами колышется ковыльная степь, дышит покойно и глубоко... Душа обнимает вольную ширь, и сама будто ширится, тесно в груди ей. Хочется раскинуть руки и взлететь над этой неохватной степью стремительным ястребом, кружить и парить в высоком, безоблачном небе, окидывая взором беспредельность… Или тонконогим шальным стригунком нестись по простору, догоняя волну за волной, отливающие матовым серебром под горячим полуденным солнцем».

Р.Кутуй структурирует пространство по разным осям: горизонтали и вертикали (чего нет в оригинале). В переводе существительные и прилагательные дают представление о неохватной дали и свободе (*степь широка и раз-*

дольна; вольная ширь, неохватная степь, беспредельность, простор). Вертикальная ось выстраивается за счет введения образов птиц и глаголов, обозначающих полет (*взлететь стремительным ястребом, кружить и парить в высоком, безоблачном небе*).

Таким образом, в художественной литературе пространство природы, как правило, сознательно антропоморфизировано, основной его характеристикой является гармоничность и полнота. Однако в художественном тексте важны не просто картины окружающего мира, не описания сами по себе, а рождаемые ими мысли и чувства. У А.Еники описание пространства переходит в описание состояние души обобщенного созерцателя степи:

«Рәхәт, һәй, рәхәт тә соң!,. һәм ямансу. Нигәдер бик ямансу да шул! Шагыйрь әйтмешли, йөгереп уйныйсы, ятып елыйсы килә бу тын, буш, моңсу башкорт даласында!»

Если у автора душевное состояние созерцателя подпадает под концепт *моң*, который отображает настроения сердца, широкую гамму душевных переживаний, когда не отделяются резко друг от друга элементы чувства, познания и воли, они, наоборот, многообразно переплетаются и взаимно обусловливаются[2], то в переводе Х.Хусаиновой акцент сделан только на состоянии грусти:

«Здесь так хорошо!.. И грустно. Почему-то грустно. Оттого, может быть, набегавшись вволю по бескрайней, молчаливой башкирской степи, хочется припасть к земле и выплакать эту непрошеную грусть-печаль…»

Р.Кутуй дает собственное развернутое описание душевного состояния созерцателя, восполняя для русскоязычного читателя едва очерченный А.Еники культурный фон, на котором стоит оригинальное произведение:

«Хорошо! Ах, как хорошо и привольно здесь!.. И грустно! Отчего-то грустно… Не потому ли тихой печалью отзывается сердце, что нет у человека ни легких крыл, ни быстрых, неутомимых ног, чтобы унести его вслед за мятущейся, неукротимой душой, подобной ветру. Как говорят поэты, хорошо в безбрежной башкирской степи, светлой и печальной, всласть порезвиться, ликуя от восторга, а потом упасть на шелковые ковыли и, обнимая теплую, родную землю, разрыдаться, задыхаясь от безмерности и невыразимости чувств, переполнявших сердце».

В прозе А.Еники даются топосы реального мира (леса, степи, озера и т.п.), однако детали природного мира связаны с философскими размышлениями писателя и несут определенное символическое значение, опирающееся на фоновые знания читателя. Хронотоп как формально-содержательная категория во многом определяет и образ человека, поэтому в произведениях татарского писателя пространство природного мира охватывает все грани человеческого существования. Важная задача переводчика

– донести до представителя иной культуры все основные культурные смыслы, связанные с характером пространства, и разные переводчики избирают разные стратегии для этого. В частности, довольно скупое, едва очерченное в оригинале описание степи у А.Еники в переводе Р.Кутуя превращается в пространное лирическое отступление. Его переводы далеки от Еники, но тексты Кутуя поэтичны и обладают особой музыкальностью, которая бесспорно близка русскоязычному читателю.

.

ПРИМЕЧАНИЯ
(Endnotes)

1 Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/index.html (дата обращения 12.10.2016).

2 Подробнее см.: Галиева А.М., Нагуманова Э.Ф. Особенности передачи национально-специфических концептов в переводных текстах (на примере концепта «моң») // Ученые записки КФУ. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155. – Кн. 2. С. 245–252.

Сведения об авторах: Галиева Альфия Макаримовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института прикладной семиотики АН РТ, e-mail: amgalieva@gmail.com; Нагуманова Эльвира Фирдавилевна, доцент Казанского федерального университета, кандидат филологических наук, e-mail: ehlviran@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена особенностям перевода на примере повести А.Еники «Невысказанное замечание».

Ключевые слова: хронотоп, Рустем Кутуй, культурное пространство, перевод.

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of the translation by the example of A.Eniki's story "An unspoken remark".

Keywords: chronotope, Rustem Kutuy, cultural space, translation.